

Частный детектив
Татьяна Ивановна

МАРИНА СЕРОВА

Моя очередь
развлекаться

Повесть

Праздник
теней

Повесть

АСТ

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Праздник теней

«Научная книга»

Серова М. С.

Праздник теней / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

Праздник теней

Глава 1

Он швырнул деньги на стол. Его и без того красное апоплексическое лицо свидетельствовало о явном приближении удара. «Надо же, – подумалось мне, – я нехстати со своими мелочными требованиями. Вполне без меня бы обошелся».

С милейшим Василь Ивановичем отношения наши не сложились сразу и навсегда. То ли я Василия Ивановича раздражала манерой поведения, то ли ему казалось, что я много запросила, – но сейчас мы прощались. И никто от близкого расставания не грустил. Я чувствовала себя оплеванной с ног до головы, а Василий Иванович – обманутым.

Бывают же люди! Он швырнул на стол деньги и посмотрел на меня из-под кустистых бровей. Я вежливо улыбнулась и, хотя меня раздражало острое желание собрать эту поганую мелочь и запустить ему прямо в красно-томатное лицо, тем не менее сдержалась. Во-первых, так себя вести неприлично. Во-вторых, завтра нечего будет есть. Поэтому я молча собрала баксы, сказала: «До свидания, Василий Иванович, всяческих вам успехов, здоровья вам и вашему мальчику» – и вырвалась из кабинета в коридор, где по стенам аквариумы, а возле двери торчит фигура загадочно улыбающегося негра. Такие негры продавались в нашем магазине, и я даже подумывала, не благодетельствовать ли мне моих соседей, поставив с гонорара этикие чудные фигуры на каждую лестничную площадку.

Никакого альтруизма в моих детских мечтаниях не было. Просто радостно было представлять, как вечерами сплетничающие по моему поводу соседки после своих дворовых раутов поднимаются по лестнице, шарахаясь от моих веселеньких негритосов.

Теперь я сама уперлась в этого негроида. Нос к носу. Он тарачил на меня белые глазищи, радостно улыбаясь. «Фу, какой ты гадкий», – подумала я и показала негру язык. За моей спиной противно хихикнули. Я обернулась. На меня похотливо щурил глазенки прыщавый хакер Петечка, чьи преступления перед семейными доходами были мной только что доблестно раскрыты. Родное дитя Василия Ивановича.

– Вы, Татьяна Иванова, кому рожи корчите? Папе или негру?

– Тебе, родной, – сурово ответствовала я, – показалось... Я никому рожи не корчу.

– А лицо скривили?

– Это ты, малыш, в зеркало нечаянно поглядел.

С этими словами я сочла наш диалог законченным. Но не тут-то было. Две потные руки обхватили и сжали мою божественную грудь, а в лицо мне совершенно гадко завоняло нечищенными зубами. Я почувствовала себя несчастной нимфой лесной, схваченной грубым сатиром. Однако роль эта мне мгновенно прискучила, и я совершила дерзкое нападение на самое уважаемое Петечкой в своем организме место. Петечка взвыл, аки раненый вепрь, поскольку удар был нанесен моей изящною ножкой в тужельке с высоченным каблуком, и вынужден был оставить свои желания нереализованными. Он согнулся и изрек уж такую непристойность, что даже я покраснела.

– Петро?! – возник в дверях массивный торс Василия Ивановича, обеспокоенно переводящего грозный взгляд с сынишки на меня. – Что тут происходит?

Петечка пробормотал что-то не совсем членораздельное и выпрямился. Я улыбнулась обаятельно и непринужденно и сказала:

– Да ничего особенного, Василий Иванович. К Петеньке вот пристаю с неприличными предложениями, – не смогла удержаться я от маленького удовольствия. Василий Иванович к

юмору склонностей не имел, посему остался грозным и недоверчивым, как обросший мхом волжский утес. Я не стала настаивать на дальнейшем продолжении беседы и, послав Петечке воздушный поцелуй, исчезла в дверях, пожелав малышу использовать салфетки «Окси», или, на худой конец, умыться «Клерасилом».

* * *

Оказавшись на улице, я облегченно вздохнула. Жизнь была ключом. Народ носился как угорелый в странном желании срочно избавиться от скучной наличности. Моя наличность, выбитая из господина Покалюка Василия Ивановича, приятно оттягивала мой потайной карман, и избавляться от нее в резвом темпе мне если и хотелось, то кололось. Поэтому я собрала волю в кулак и мужественно прошла мимо магазинов, включая любимый «Ив Роше», благоговая мягкую погоду и рождающийся синий вечер.

Вечер освобождал меня от дурных эмоций, в бездну которых так тщились погрузить меня гадкие мои знакомцы. Я начинала возвращаться к праздничному состоянию души. И тут началось наступление... Сначала проехавшая мимо на бешеной скорости «Тойота» обдала меня свежей грязью из лужи. Я застонала. Единственная роскошь, оставшаяся мне как оружие мести за испачканный белый костюм и лицо в капельках грязной воды, – это плюнуть вслед поганой этой «Тойоте» трижды. Отказать себе в этом я не смогла.

Ладно, я отходчива. Серые потеки на моем костюмчике перестали казаться мне мировой трагедией. Я вернула на свою физиономию улыбку. Люди ведь не отвечают за поступки других, правда? Вот, например, какая милая женщина идет мне навстречу... А я тащусь по улице с мрачной миной. Я приветливо улыбнулась ей. Женщина остановилась. Оглядела меня с ног до головы, сплюнула и высказалась:

– Чего лыбишься-то? Хоть бы костюм постирала да рожу умыла... Тоже мне, красавица нашлась... Фотомодель...

Я не настолько наивна, чтобы подумать, что мне был только что сделан комплимент. Невежливость столь симпатичной с виду дамы повергла меня в глубокий шок. Более того, окружающие сразу показались мне отвратительными монстрами, прогуливающимися по засохшим полям кукурузы. Родной Тарасов стал для меня горькою чужбиной. Я свернула на довольно пустынную Мамонтовскую и пошла к трамваю по ней. Мне хотелось от обиды расплакаться.

«Чертова жизнь, – думала я, – я устала. Я так устала, что, кажется, хочу умереть...»

– Здравствуйте, – услышала я. От удивления я вытаращила глаза. Передо мной, улыбаясь необыкновенно приветливо, стоял маленький светловолосый мальчик. В руках он держал футляр для маленькой флейты – кажется, эти флейты называются пикколо. Глаза у него были странные, очень большие и зеленые, и смотрел он прямо в лицо. Такой симпатичный мальчуган... Я почувствовала, как улыбка сама рождается на моем лице.

– Здравствуй, – ответила я.

Он пошел дальше, как будто выполнил свой долг. Я смотрела ему вслед. Спина была очень тонкая и хрупкая. Отчего-то стало за него страшно. Малыш шел по враждебному миру. Каждый мог кинуть в эту незащищенную спину комок грязи. А он шел как ни в чем не бывало. Остановился на минутку, дал мне немножко сил и пошел дальше. «Спасибо», – прошептала я вслед. Он почувствовал мой взгляд, обернулся и помахал мне рукой.

Глава 2

Я очень устаю от своей работы. Иногда мне хочется спрятаться от внешнего мира в пещеру. Особенно сейчас. Воспоминания о Петечке и его папеньке не приносят ни радости, ни удовлетворения. Боже мой! Отчего я не уродилась все-таки бухгалтером? Отчего, Господи, ты внушил мне нездоровое желание податься в компанию Эркюлей Пуаро, Колумбо и прочих авантюристов? Хотя бы на год стоит уйти из моего бизнеса... Отдохнуть от людей, с которыми иногда так неприятно общаться, что... Впрочем, ладно.

Что это я решила разныться? В данный момент я хочу все забыть. Я лежу на диване. Мои глаза закрыты. Нет ни прыщавого Петеньки-крошки, воруемого денежки Василь Иваныча, который в свою очередь приворовывает из фирмы, в которой работает заместителем зам. зава. Нет никого из этого «дома, который построил Джек». Есть только я. Я ни у кого денег не вору. Я головой зарабатываю и ногами. Которые сейчас, к слову сказать, похожи на свинцовые колонны. Я лежу на диване... Честное слово, это замечательная вещь... Ноги, сделавшие за день огромное количество никому не нужных шагов, теперь вытянулись на уютном диване – им хорошо... Глаза мои закрыты. Я пребываю в космическом пространстве nirваны. Мне сладко, как в детстве. О чем-то своем поет Эрик Клептон. Он вполне гармонирует с моим настроением благодушной расслабленности. Я испытываю полное удовлетворение от сознания, что я, Татьяна Иванова, никому сегодня не нужна. Просто даром никому не сдалась... Сегодня меня этот факт несколько не расстраивает. Может быть, я вообще сегодня не имею никакого отношения к частному сыску. Может быть, меня вообще нет в этом пространстве. Я счастлива, как ребенок, прогуливающий ненавистную школу. Иногда человеку становится необходим тайм-аут – даже когда он влюблен в свое дело. А я, увы, в него влюблена. Просто сегодня у меня плохое настроение.

Ничто не вечно под луной. Клептон отчего-то решает больше не петь. Не очень хорошо с его стороны. Вместо него появляется симпатичная девица. Вполне ничего, только наши дикторши никак не могут избавиться от комплекса провинциализма. Девушка сообщает, что у нас в очередной раз поменяли правительство. В нашей стране это обычное явление. Как в Зимбабве. Сегодня вождь – Мумбо-Юмбо, завтра – Юмбо – Мумбо. И разницы никакой нет. От перемены мест слагаемых сумма в лучшую сторону не меняется. Веселится и ликует весь народ... Конец настал моей приятной неге...

Вздыхнув, я открыла глаза. От резкого контраста между действительным и горячо желаемым немного закружилась голова. Жизнь ворвалась в мой приют, сверкая наглой и бесстыжей улыбкой. «Зараза, – подумала я, впрочем, беззлобно, – надо все-таки купить эту зеленую тарелку, широко рекламируемую народу. Как ее там называют? Ах да. НТВ-плюс...» Освобождение от рекламы и политики. Что более всего немило средней статистической единице? А вот эта самая ваша реклама и эта самая ваша политика. Со следующего несправедливого обогащения покупаю. Тогда есть шанс почувствовать себя свободной от ненужных новостей. Обычно я к новостям отношусь нормально. Приятно поговорить с дикторшей, зная, что возразить она тебе все равно не сможет. А как бывает забавно высказать появившемуся на экране президенту свое недовольство повышением цен! Или пожурить Клинтона за фривольное поведение... Да и просто посмотреть, что там, за окнами, не началась ли уже зима... С теперешним климатом все возможно. Но – не сегодня. Если я сейчас увижу лицо нашего губернатора – меня вытошнит. Равно как и лики наших финансистов меня не обрадуют. Слишком свежи воспоминания о последнем деле.

Оно выбило меня из колеи. Если бы не светлый мальчик, встретившийся мне по дороге, я до сих пор находилась бы под негативным впечатлением о согражданах. Сегодня мне так хочется отдохнуть! Сегодня лучшие новости – их полное отсутствие.

Вставать не хотелось. Я пошарила рукой возле себя – пульта в пределах осязаемости не было. Где же он может быть? Этак я просто обречена на просмотр абсолютно не интересующих меня новостей. Ну нет, господи! Меня не заинтересует даже сообщение о третьей мировой войне!

– Пультик, – взмолилась я, – милый пультик! Пожалуйста, найдись!

Ну конечно... Он, как всегда, лежит на телевизоре... Никогда мне не избавиться от идиотской привычки класть его туда. Я вздохнула. Все-таки придется, придется тебе поднять с мягкого дивана свое изможденное тело, бедная Татьяна! Иначе не избежать твоему слуху новых сообщений об инфляции! И не только о ней. Хотя и ее обычно хватает для того, чтобы испортить день. А мне этого не хочется. Я вздохнула. Тяжелая необходимость оторвать измученный жизнью организм от приятного лежбища тяготила сверх меры. Но делать было нечего. На других каналах существовали наверняка миры иные, более отрадные и радующие взор, чем усталые лица сограждан. К согражданам приставали с бестактным вопросом, как они намереваются жить дальше. Они этого пока не знали. К тому же, как и я, не были уверены, что повышение цен в этом сезоне последнее. Однако врожденная воспитанность заставляла их держаться в рамках приличия. И лишь некоторые позволяли себе крепкие выражения. Я встала. Иначе я тоже начну эти самые выражения использовать. А мама мне этого не разрешает. Говорит, что я интеллигентная девочка. Я, правда, в своей интеллигентности бываю уверена не всегда.

Босыми ножками прошлепав по направлению к цели, я взяла возжеланный пульт в руки и уже приготовилась нажать на любую кнопку, лишь бы освободиться от реальности. В этот момент на экране возникло лицо мальчика. Я застыла. Мальчик был мне знаком. Всего неделю назад я видела его идущим из музыкальной школы с футляром для флейты в руках. Сейчас мальчик улыбался мне с экрана. Будто хотели показать его всему миру – видите, есть еще такие славные мальчишки. Значит, мы пока живы и здоровы.

Только показывали-то его вовсе не за этим! С моим малышом случилась беда... Он пропал. Исчез. Его искали. Я остолбенела. Мне было страшно. Как будто по телевизору показывали моего ребенка. Боже мой! Да как же я сразу не сообразила! Ведь я всю жизнь мечтала, что когда-нибудь у меня будет сынишка. И он показался мне его воплощением. Поэтому я его и запомнила так хорошо. Еще мне запомнилась его спина. Она была тоненькая и беззащитная. Я представила себе, как легко нанести в эту спину удар. Как легко кидаться грязью, кричать вслед ему оскорбления и угрозы... Что это было – предупреждение? Или – я неосторожными мыслями накликала на его голову беду? Что с ним случилось?!

Дикторша, молоденькая и симпатичная, старательно-обеспокоенным голосом просила всех, кто видел Марика Гольдштейна в течение последних двух суток, срочно сообщить по указанным телефонам.

Мой покой был нарушен. Мальчик со светлой и открытой улыбкой, по имени Марик, два дня назад исчез. Ушел в школу и не вернулся. И я чувствовала, что именно я должна его найти, потому что ощущала себя в этом виноватой.

Старайся оставаться спокойной, Таня... Конечно, когда пропадают дети, страшно. Но куда ты денешься от этого? Они пропадают каждый день. Дети... Даже такие, как Петечка... Что уж говорить о Марике... В факте исчезновения Марика присутствует нечто дьявольски мрачное...

Дети беззащитны и доверчивы. Они еще не знают, что добрый дяденька в шапочке со смешным помпончиком может запросто оказаться педофилом. Он уведет ребенка в страшный темный лес и научит его боли, стыду и отчаянию. А толстая тетенька с кривоватой, но такой «добросердечной» улыбкой, приведет его к себе, даже накормит пирожными, а потом пошлет просить милостыню... Или загонит на панель. Тетенька хочет кушать, ее можно понять. Не вложили ей в голову хороших мыслей. Да и работать ей самой лень. Лучше пусть украденный ею ребенок делом занимается.

Я уж не говорю о замечательных дядях и тетях в белых халатах, которые горят желанием помочь богатым иностранцам с помощью детских органов. Господи, как им самим от себя не страшно-то? Как вообще у них получается спать спокойно?

У меня, как я ни старалась, остаться спокойной не получилось. Я еще не смогла приспособиться к новым жизненным ценностям. Чувство юмора сразу превратилось в сарказм. В такие моменты меня можно вербовать в киллеры. Я зверею, как львица, у которой обидели львят. Я становлюсь безжалостной. Решение пришло ко мне внезапно. Я подошла к телефону и набрала номер. Еще не зная толком, зачем я это делаю. Что я могу предложить? Я не знаю, где его искать. Я не знаю, что с ним случилось. Пока, по крайней мере... Трубку на другом конце провода подняла девушка. Выслушав меня, она вздохнула и сказала:

– Спасибо вам за то, что вы беспокоитесь о Марике. Но сегодня утром его родители забрали заявление о розыске. Честно говоря, я не поняла их до конца. Они сказали, что он нашелся.

– Нашелся? – Я боялась поверить в удачу. Слава Богу, с моим улыбочивым мальчиком ничего не случилось.

– Кажется, да...

– И с ним все нормально?

– Знаете, – решительно сказала девушка, – вы позвоните Андрею Николаевичу Мельникову. Я вам сейчас дам его телефон. Он вел дело Марика.

Телефон Андрюши Мельникова был мне не нужен. Я его прекрасно знала. Я поблагодарила девушку и повесила трубку. Покой ко мне не вернулся. Что-то продолжало меня беспокоить. Мне очень хотелось верить в то, что мальчик нашелся.

* * *

Андрей Мельников, к счастью, обнаружился довольно быстро. Обычно он предпочитал мотаться в неизвестных направлениях. На старшего следователя Мельникова так любили наваливать дела повышенной сложности, что он мог запросто потребовать генеральское звание. Однако природная скромность призывала его довольствоваться скромным званием старшего лейтенанта. Застать его дома было бы чудом. Но сейчас фортуна наконец мне улыбнулась: Мельников простудился. Грешно радоваться чужому несчастью, но иначе Андрюшенька был бы вне пределов досягаемости еще долгое время. Его простуда была даром свыше.

Я была бы вынуждена обыскивать все зловонные места, злачные тусовки, малины и бордели. А сейчас... Обнаружила я его с замотанным шарфом горлом в собственной мельниковской комнате перед компьютером. Упорный Мельников рушил с остервенением стены, пытаясь дойти до Бангкока. Снисходительно улыбнувшись детским забавам одного из лучших следователей городской прокуратуры, я приземлилась в старое кресло. Оно приветствовало меня пронзительным старческим скрипом. Андрюшка поморщился и констатировал:

– Это ж надо так растолстеть... Тебе, Иванова, пора завязывать с гамбургерами и пивом. И бегай, ради Бога, по утрам! Под тобой уже мебель прогибается.

От возмущения я не сразу нашла, чем ответить на такую бесцеремонную ложь. Экая наглость! Я само воплощение стройности. Какие гамбургеры? Если я вообще умудряюсь вспомнить за день хоть однажды про еду, уже большое счастье. Впрочем, это ведь мой институтский дружок. Так что я не обиделась. Почти. Сейчас я обдумывала, как бы достойнее ответить на мельниковский грязный выпад. Ничего... Как назло, все лучшие мои остроты я уже в разговорах с ним использовала. Оставалось импровизировать. Но сейчас, увы, с импровизацией было не все в порядке. Единственное, что пришло мне в голову, – это поерзать в его старой развалюхе, вызвав протестующий, злой и долгий скрип, переходящий в истерическое визжа-

ние. Андрюшка оторвался от своего стратегического плана, поднял на меня удивленные глаза и спросил:

– Боже мой, Таня! Что у тебя с костями? Артрит? Они у тебя так скрипят, что страшно за тебя делается... Надо заботиться о здоровье.

– Мельников, – я посмотрела на него взглядом строгой учительницы, – я пришла к тебе по делу. Прекрати, пожалуйста, вести себя, как школьник на перемене.

– Конечно, конечно, – согласился он, – разве ты могла зайти ко мне просто так? Навестить больного друга, не имея за пазухой хорошенького камешка в виде некоего «дельца»? Это не в твоих привычках, милое дитя...

Разбушевавшаяся стихия студенческих подколов уже затянула Мельникова в свой водоворот. Остановиться было выше его сил.

– Говорят, ты занимаешься теперь пропажей детей...

Мой вопрос заставил его вздрогнуть. Или это мне показалось? Нет, спина Мельникова напряглась. Куча незамеченных бомб обрушилась на стену. Андрюшка выключил компьютер, обернулся ко мне и сказал:

– Откуда такие сведения?

– Слухами земля полнится, – пожала я плечами.

– А тебе-то что за интерес до моих профессиональных секретов?

– Именно некое дитя меня и интересует... Только кончай изощряться в остротах, ладно?

Поймав мой умоляющий взгляд, он удивился. В самом деле, так было хорошо. Так мило. Обычно я не имею ничего против наших словесных пикировок. Наоборот – искренне наслаждаюсь моментом. Только не сейчас. Развлекаться именно теперь не хотелось. Мне было не до этого. Поняв, насколько я серьезна, он присвистнул.

– Кажется, в этой скачке мы потеряли лучших товарищей... Иванова, что с тобой? Твое лицо носит на себе печать излишне глубоких раздумий... От этого, между прочим, случаются морщины.

Я ничего ему не ответила. К собственному ужасу, я поняла, что все перемешалось в странный винегрет – обида на Петечкиного папу, почти швырнувшего мне в лицо честно заработанные деньги, исчезновение мальчишки со странными для нынешних детей мечтательными глазами, на все это наложилось еще и повышение цен с очередной сменой правительства, и сейчас... Сейчас я так разрыдаюсь, что случится как минимум наводнение, а как максимум всемирный потоп. Мельников это понял. Во всяком случае, за сохранность собственных полов он испугался.

– Что случилось-то? – не на шутку перепугавшись, спросил он.

В ответ я пожала плечами.

– Андрей... Делом Марика Гольдштейна начинал заниматься ты?

Некоторое время он молчал. Смотрел в окно, за которым не было ничего интересного. Только глухая стена соседней развалюхи. То ли Мельников увидел ее первый раз в собственной жизни, то ли за этой стеной красного цвета скрыта некая тайна, давно занимающая воображение старшего следователя, но смотрел он туда так долго, что мне показалось, больше я его голоса вовеки не услышу. Что же связано с Мариком такого, отчего даже Андрей замолкает, не желая говорить? Не сын же английской королевы украл бедного Марика? Или его похитили государственные мужи, дабы с помощью выкупа расплатиться с пенсионерами? Наконец он повернулся в мою сторону. По крайней мере, я еще существую. На меня даже взглянули! Мне даже решили ответить! Правда, мой друг предпочел не смотреть мне в глаза. Однако все-таки я услышала:

– Ах вот тебя что интересует...

Странно, что мой вопрос подействовал на него так, будто я предложила ему срочно заняться расследованием гибели принцессы Дианы. Конечно, было бы интересно заняться этим, но я пока куда больше волновалась за судьбу маленького мальчика.

– Поясни, почему ты считаешь мой интерес странным, – попросила я. – Пропал ребенок. Этого ребенка я однажды встретила на улице. Он помог мне выбраться из состояния полной апатии, в которой я оказалась благодаря взрослым дядям. Теперь я хочу помочь. Это что, правда так странно?

Он посмотрел на меня так, будто за моими плечами выросли огромные крылья серафима. Я удивила его своим вопросом, как Дэвид Копперфильд, спрятавший невесть куда огромную статую Свободы. Наконец услышала в ответ:

– Он нашелся.

– Ты в этом уверен?

– Так говорят его родители, – пожал он плечами.

– Я не спрашиваю тебя, что говорят его родители. Они вполне могут говорить то, что от них требуют. Меня интересует, что по этому поводу думает старший следователь Мельников, – сухо сказала я.

– А можно поинтересоваться, по какому это праву свой очаровательный носик сюда сует детектив Иванова? – вскипел Андрюшка.

– Я потом тебе объясню, – пообещала я.

– А я тебе потом объясню, почему мне противно, когда меня считают одним из придурков, которым выгоднее поверить запуганным насмерть родителям, чем лезть в огромную заваруху, напоминающую религиозную войну! Тем более что у меня и так хлопот хватает. Ребенок-то не единственный пропал. Уже второй случай в одном районе.

Ого. Вот это взрыв эмоций... Прошибли тебя, Андрейчик. Ох прошибли.

– Я тебя таким не считаю, – успокоила я его, – а мальчику хочется помочь.

По его глазам я видела, что он меня понимает. Похоже, не только меня эта история выбила из колеи. Он помолчал немного, потом сказал:

– Когда ребенок находится, лица родителей становятся спокойными. А лица Гольдштейнов стали еще более потерянными. Мать держит себя в руках, хотя понять не могу, как ей это удастся, а отец... Временами кажется, что он близок к помешательству. Что он вот-вот разрыдается. Нет, – тряхнул он головой, – я не думаю, что мальчик нашелся. Что-то произошло. Не знаю что. Но это заставило их забрать заявление и настаивать на прекращении поисков. Однако ж и интуиция у тебя, Иванова! Просто экстрасенс какой-то!

– Если быть честной, – вздохнула я, – мне до безумия хотелось, чтобы моя дурацкая интуиция на этот раз меня подвела. Я шла к тебе и надеялась – мальчик на месте. Дома. Мне очень не хочется, чтобы с ним случилось несчастье.

– Я тебя понимаю, – Андрей грустно улыбнулся, – только пока сделать ничего нельзя. Заявление о пропаже аннулировано. От помощи милиции официально отказались. Не будешь же бегать за родителями и требовать, чтобы ребенка тебе предъявили...

– Иногда это бывает необходимо, – констатировала я, – встречаются такие родители, что не приведи Господи...

– Но не в данном случае, – покачал Андрей головой. Вышло у него это печально, как у заблудившегося в городе жирафа. – Гольдштейны интеллигенты. Мальчик является для них отдушиной и спасением. Он – поздний ребенок. Единственный и долгожданный. Так что не могу их понять. Может быть, это потому, что они – евреи? Происходящему можно найти лишь одно объяснение, произошло нечто экстраординарное. Их вынудили забрать заявление. Возможно, мы имеем дело с обычным киднеппом. Сама знаешь – их основное требование обычно – не обращаться в милицию... Многие его выполняют; когда близкому тебе человеку угрожает опасность – пойдешь на все. Не задумываясь о последствиях...

Зря я на него разозлилась. Ему и так приходилось несладко. И я ввергаю его в новые проблемы. Кому это может понравиться... Да и его вопрос вполне справедлив.

Действительно, отчего это, зачем и почему, с какой стати это вдруг Танечка начала совать свой хорошенький носик в чужие избушки с погремушками, когда ее никто об этом и попросить не удосужился? Откуда в этой грехом прожженной душе зажегся ярким солнцем альтруизм, призывающий ее к подвигам? Может быть, я придумала все? И мне нужно спокойно уйти? Поверить в то, что Марик дома? Тогда ничего не произойдет страшного, так ведь? Ничего... Только... Только Марики в этой жизни мало. Петечек много, ох много, а Марики раз-два – и обчелся. Пропажа Марика очень существенно отразится на моем личном самочувствии. Мне Марики нужнее Петров Васильевичей.

– Когда я увидела его фотографию по телевизору, – сказала я скорее себе, чем Андрею, – с таким страшным словом «разыскивается», мне показалось, что небеса обрушились на мою голову. Может быть, в этом знак свыше. Почему-то я шла именно по этой грязной улице. Он шел навстречу и улыбнулся именно мне. Как он почувствовал, что мне это в тот момент было необходимо? Только получилось у него здорово – как будто мне, тонущей, вовремя протянули руку. И теперь, зная, что он тонет, и не протянуть ему в ответ свою – я не могу. Это нечестно. – Я посмотрела на него и тихо попросила: – Мне нужно связаться с его родителями, Андрей. Очень. Я не знаю, что там происходит. Но скорее всего они беспомощны и растеряны. Они уверены, что никто им помочь не может. Они смирились. А я смогу его найти. Я знаю это. – Он молчал. – Мне нужен только их адрес. Больше ничего. Возможно, им действительно запретили обращаться в милицию. В проклятом киднеппинге это принято. Но я не милиция! Я частный сыщик, черт побери...

– Таня, – прервал он осторожно мой словесный поток, – им нечем платить. Какие деньги могут быть у преподавателей? Откуда? Сама подумай... От твоих услуг наверняка откажутся.

Я задохнулась от возмущения. От Андрюшки я такого не ожидала. Ну ладно, когда какой-нибудь Василий Иванович кидает тебе на стол деньги с видом возмущенного моим нахальством праведника! Но Мельников...

– Кто здесь вообще говорит о деньгах? – спросила я, пытаюсь справиться со своим гневом. – Слава Богу, я не отношусь к неимущим. Жадностью я тоже никогда не страдала. После двух последних дел у меня достаточно средств. Если уж новорусские мародеры позволяют себе благотворительность, то мне ей заняться сам Господь велит...

– А ты никогда не предполагала, что благотворительностью иногда можно оскорбить? – изрек Андрей. – Только не обижайся... – Он задумался: – Как бы вам устроить встречу... Давай я им позвоню, предупрежу их, и уже потом ты появишься... О'кей?

Меня это устраивало. Я согласилась.

– Ладно уж, – сменила я гнев на милость. В конце-то концов, обижаться не в моих правилах. Особенно на друзей.

* * *

Увы, Андрей рассказал мне не так много, как мне бы хотелось. Гольдштейны обратились к нему за помощью в первый же день. Мальчик ушел в школу, как обычно. В школе все было нормально. Там его видели и одноклассники, и учителя, и сама Софья Владиславовна, мама мальчика. В этот день Софья Владиславовна должна была задержаться, поэтому Марик зашел к ней около четырех часов, сказал, что идет домой, и убежал. В том, что он ушел один, ничего выходящего из ряда обычного не было. Марик с пяти лет приучался родителями к самостоятельности. Никаких дурных предчувствий у матери не возникло, да и повода к тому не было. Мальчик был весел и вполне спокоен. Софья Владиславовна провела урок, потом осталась на коллоквиум, затем нужно было позаниматься перед городской олимпиадой с двумя учениками.

Вечером, когда она пришла домой, было уже поздно. Но Марика не было. Ее сразу напугало его отсутствие. На него это было не похоже. Обычно он всегда находился вечерами дома. Марик был спокойным ребенком, даже чересчур. Его отсутствие после девяти сразу повергло родителей в панику.

Пошарив по моргам и больницам, они с облегчением вздохнули, не обнаружив там свое чадо. Однако даже представить себе, куда это самое чадо направило свои стопы, не могли. Только растерянно смотрели на Андрея как на спасителя, умоляя его свершить чудо. Больше всего на свете им хотелось, чтобы происходящее с ними оказалось ночным кошмаром. Но утром Марик не объявился. Кошмар не кончился. Напротив, укрепил собственные позиции. Ребенок исчез. Испарился. Растаял в воздухе. Сначала была хрупкая надежда в лице вечно нетрезвой свидетельницы по имени Клавдея. Сия Клавдея поначалу утверждала, что, выйдя на улицу «отругать Ираиду за то, что вчера под окнами песни дурные орала», она узрела, как мальчик садится в автомобиль, в народе называемый «мерином». По Клавдеиному мнению, в «мерине» было два седока, Марику знакомых. Поскольку сначала он с ними разговаривал и даже смеялся.

Начали искать пресловутый «Мерседес». Ориентироваться на Клавдеино свидетельство было сложновато: у нее этот «мерин» был черным, и красным, и зеленым. То ли у Клавдеи к алкоголизму прибавился дальтонизм, то ли фантазия ее играла – но измучила она несчастного Мельникова хуже испанского сапога. В заключение их краткого «романа» сия загадочная особа явилась неожиданно в кабинет и, стыдливо теребя платочек, стиранный в прошлом веке, опустив глаза, пролепетала, что все она с перепоею придумала: никаких машин не видала и мальчики по ее улице отродясь не ходили. Все, гражданин начальник, она придумала с похмелья, «мерины» энти самые ей вообще только в снах виделись. Нижайше кланяясь, попросила простить, не держать зла на грешницу и отпустить с миром.

Конечно, Мельников подозревал, что такое изменение в мировосприятии случилось с Клавдией неспроста. Конечно, ее напугали. А может быть, подкупили. Однако делать было нечего. Пришлось несчастную Клавдею отправить восвояси – общение с ней в дальнейшем никакого толка не обещало. Последняя ниточка, связывавшая Андрея с Мариком, растаяла в воздухе.

А на следующий день в Андреев кабинет вошли Гольдштейны и сказали, пряча глаза, как провинившиеся дети, все, мол, в порядке, Марик нашелся и они очень просят их простить за беспокойство. Марика, правда, предъявить отказались, сославшись, что он-де у сестры Софьи Владиславовны пребывает. Андрею это совсем не понравилось, но что он мог поделать? Только руками развести.

Так бы дело и кончилось. Разошлись бы все по домам спокойно, про Марика забыв. Мало ли детей пропадает? Мельников, конечно, поднапрягся от огромного количества странностей в Мариковом деле. Тем более что раздался пресловутый звонок сверху и посоветовал ему в это самое вышеозначенное дело особенно не вникать, а то народ будет недоволен. Отчего он вдруг станет недоволен, Мельников понял не до конца, скорее всего «верхний человек» в очередной раз спутал себя с народом. Только соваться ему опять в огонь не очень хотелось. Раз будет недоволен чей-то народ, Мельников сцепит зубы. Даже если мальчишку жалко. И тут являюсь я, частный детектив Татьяна, заявляю обществу нонконформистский протест и... сую свой нос прямо туда, куда меня не просили...

Бедное общество! Ему в очередной раз придется смириться с моей нахальной напористостью...

Глава 3

Я шла по Мамонтовской к дому Гольдштейнов той самой дорогой, которой еще два дня назад шел Марик. Дома все были одинаковые, похожие друг на друга, как близнецы. Гольдштейны жили в неплохом районе. Совсем недалеко от школы и университета. Однако найти дом оказалось делом нелегким. Я немного поблуждала вокруг школы и вышла совершенно на другую, ненужную мне улицу. Поняла я это не сразу. Сначала я прогулялась до дома, номер которого вполне меня устроил. Мне был нужен дом номер семь. Этот дом тоже оказался седьмым. Ну вот, подумала я удовлетворенно, зашла внутрь и почти добрела до верхнего этажа хрущобы. Устремившись к нужной двери, я обнаружила, что с одной дверью глупейшим образом прокололась. Мне была нужна тридцать седьмая квартира, а на этой стоял номер «29». Ладно... Ничего страшного. Лишняя гимнастика только полезна для хорошей формы моих прелестных длинных ножек. Я спустилась вниз. Там почти никого не было. Только маленькая девочка задумчиво болтала на скамейке ногой, догрызая яблоко. На меня она посмотрела равнодушно, но снисходительно. Это меня немного приободрило, и я обратилась к сей инфанте с глупым вопросом, на какой, собственно, улице в данный момент я нахожусь. Девочка, как ни странно, нисколько не удивилась моему откровенному неведению и строго ответствовала:

– Страханская...

Уточнять, что за улица Страханская и далеки ли от нее до Мамонтова, я не рискнула. Я и так была слишком навязчивой. К тому же, немного подумав, догадалась, что имеется в виду Астраханская. Дальнейшее мое присутствие в жизни девицы было верхом неприличия. Нельзя отвлекать серьезную личность от важных дел глупыми вопросами. Даже частному детективу. Я опять прошла мимо школы, из которой два дня назад вышел и пропал Марик. Школа оказалась мне гробницей фараона, загадочной и неприступной. Место, в котором происходит несчастье, несет на себе печать зла. Даже если это школа. Дети внутри кричат и звонок звенит. Ничего страшного. И все же там что-то неладно. Зло оставило свою печать. Я тряхнула головой. Действительно, обычная школа. Там, внутри, дети. Ты все придумываешь, Танечка. Все тип-топ. И вообще – был ли мальчик? Простояв перед серым фасадом несколько мгновений, замороженная безликостью стены, я вздохнула. Марик отсюда не появится. Я продолжила путь. Через десять минут я вышла наконец-то на вожденную Мамонтовку. Уже подойдя к дому номер семь, я остановилась и закрыла глаза. Передо мной отчетливо возникла фигурка мальчугана в красной куртке с ранцем. Он шел по улице. Размахивал ладошкой в такт походке. Ему было спокойно и весело. Он увидел кошку. Остановился. Подарил ободранной кошке свою неповторимую улыбку. Кошка благодарно потерлась о его ногу. Он погладил ее и наверняка загадал желание. Марик знал, что если загадать желание, когда гладишь трехцветную кошку, оно исполнится на все сто процентов. Он был нормальным ребенком.

Потом он пошел дальше. Его фигурка в моем воображении продолжала свой путь, становясь меньше, меньше, меньше... Внезапно он исчез. Провалился в черную бермудскую дыру. Но в последний момент он обернулся. Мне показалось, он почувствовал мое присутствие. «Остановись, – попросила я. – Пожалуйста, Марик... Не подходи к краю».

Он действительно стоял, оглянувшись. Но его заинтересовала не я. Что-то невидимое мне привлекло его внимание. Он вернулся, услышав нечто скрытое от моего слуха. Я увидела, как он недоуменно улыбается. Кому ты улыбаешься, хотелось спросить у него. Он кивнул головой, соглашаясь с неведомым предложением, и исчез. Так же внезапно, как появился. Провалился в тишину и темноту, как в канализационный люк.

Кто-то пушистый потерял о мою ногу. Я открыла глаза. На меня смотрела зелеными Мариковыми глазами ободранная трехцветная кошка из моего странного видения.

Кошка явно знала многое, но люди несовершенные существа. Они не понимают язык животных. Иногда у меня создается ощущение, что люди и свой язык понимают с большим трудом.

* * *

Поднявшись на четвертый этаж, я остановилась. Нажать на кнопку звонка оказалось не так просто, как мне думалось. Это в мыслях все гладко: «Здрасьте-мордасьте, я частная сыщица по имени Таня Иванова. Не могли бы вы предьявить мне вашего сынишку, чтобы я успокоилась». Поэтому, когда встретившая меня на пороге Софья Владиславовна отнеслась ко мне немного настороженно, я не удивилась.

Конечно, я подстраховалась – Андрей должен был предупредить ее о моем визите. Однако могло произойти и так, что Мельников не успел этого сделать. Перезвонить же ему я не успела и теперь отчаянно ругала себя за легкомыслие – могла выйти неувязка.

Софья Владиславовна оказалась красивой женщиной с копной тяжелых длинных волос. Ее лицо покоилось в раковине прически естественно и гармонично, создавая образ аристократичный и изысканный. Она очень молодо выглядела. Ее фигура, несмотря на возраст, была стройной и хрупкой. Я никогда бы не дала ей пятидесяти. Многие мои ровесницы выглядят старше. Да, Софья Владиславовна была красавицей. Маленький прямой нос, большие глаза изумрудного цвета. И цвет кожи, которому можно было только позавидовать. Ровный, нежный, изысканный. Посмотрев мне в глаза с обезоруживающей простотой и смелостью, она улыбнулась и протянула мне руку:

– Андрей Николаевич меня предупредил, что вы хотите со мной поговорить о Марике. Давайте знакомиться – меня зовут Софья Владиславовна. К сожалению, Игоря Викторовича дома нет – он на работе.

И тем не менее я почувствовала, что она напряжена. Ее можно было понять: я вторглась сюда без приглашения. Вряд ли ей могло быть понятно, почему мне захотелось появиться здесь. Она смотрела на меня приветливо, но ожидая удара. Я улыбнулась ей. Моя улыбка немного сняла напряжение. Я сказала:

– Оказывается, родной Тарасов иногда способен заставить поблуждать. Я нашла вас с трудом.

– Я сама путаюсь в одинаковых домах, – призналась она с вежливой улыбкой.

– В этом нет ничего странного.

Лед, кажется, тронулся. Мы посмотрели друг на друга с интересом. Она поняла, что я пришла не из праздного любопытства.

* * *

Меня пригласили войти. В комнате было огромное количество книг. Пространство, не заполненное книгами, было отдано картинам и иконам. Я сразу почувствовала замечательный запах. Пахло уютом, любовью и теплом. В этом доме хотелось остаться подольше, если бы не примешивающийся к обычному аромату отвратительный вкус принесенного чьей-то злой рукой горя. Меня довольно трудно обмануть – в улыбке Софьи Владиславовны присутствовала горечь. Ее глаза, обведенные темными кругами, свидетельствовали о бессоннице.

Марика не нашли. Отчего же тогда они предпочитают справляться со своим горем сами? Что их так напугало? И – кто их напугал?!

* * *

Софья Владиславовна рассказывала о Марике медленно, слова давались ей с трудом. Мы сидели с ней на кухне и пили замечательный чай с необычным цветочным привкусом. Я пыталась разговорить Софью, убедить ее в том, что незачем бояться киднепперов. Из своей практики я знала, что они трусы. Но трусы – самые опасные люди. Именно от них можно ожидать любых неприятных поступков. Говорить об этом мне не хотелось. Зачем пугать человека, и без того напуганного? Софья слушала меня молча. Она не знала, как ей следует поступить.

Выгнать меня? Может быть, ей этого и хотелось. С чего бы это ей доверять молодой даме с огромным апломбом, пытающейся доказать ей собственную полезность? Я и сама пока не очень уверена, что смогу отыскать ее ребенка. А уж ей-то сомневаться в моих силах сам Бог велел...

Сказать, что не нуждается в моих услугах? Но она в них нуждалась. Даже если она мне не верит, она понимает, что я ей необходима сейчас. Остаться одной, с этой безнадежностью в душе? Когда ее ребенок находится неизвестно где и никто не может поручиться за его сохранность? Этого сделать она не могла. Я была ее последней надеждой на Марикино возвращение. Принять мое предложение помощи?

Я решила пока не особенно напрягать ее. Пусть думает.

* * *

В квартире, как я уже говорила, было много икон. Заметив мое удивление, Софья Владиславовна замялась. Тема религии и ее отношение к ней не позволяли Софье чрезмерно откровенничать. Я спросила:

– Софья Владиславовна, эти иконы... Вы их собираете?

Мне показалось, что она вздохнула с некоторой досадой. Наверное, я не первая задавала подобный вопрос. И ее отношение к православию уже доставляло ей хлопоты. Во всяком случае, я пожалела, что задала его. Он явно был неуместен.

– Извините, – тихо попросила я.

– Ничего, – ответила она, – это вы извините, Танечка. Мы – крещеные евреи.

Она сказала это с горечью. Потом встряхнула головой и улыбнулась:

– Ко всему надо относиться с мужеством. Если принимаешь от Господа счастье, то нужно уметь и несчастье принимать. А нам силенок не хватает.

Она вспомнила о Марике. Воспоминание заставило ее отвернуться. Так она хотела скрыть от меня рвущуюся из души боль. Справившись с собой, она взглянула на меня. Я удивилась, до какой степени ее взгляд похож на Марикино. Такой же добрый, ободряющий, светлый... Похоже, Марику и его матери было дано знать нечто, неведомое нам – простым смертным.

– Софья Владиславовна, – решила я, – Андрей, надеюсь, рассказал вам, почему я хотела нашей встречи с вами...

Она кивнула.

– Конечно, рассказал...

– Я очень хочу вам помочь найти Марика...

– Очень вам благодарна, Танечка, – перебила она меня, пряча глаза, – но... Марик действительно нашелся. Он у Верочки.

Я пыталась встретиться с ней взглядом. «Господи, зачем? – подумала я. – Зачем она лжет, не умея лгать? Что вынуждает ее это делать?»

– Перестаньте, – попросила я ее, – Марик не нашелся. Зачем вы пытаетесь обмануть меня?

Она испуганно молчала. Мне показалось, что моя настойчивость ей неприятна. Пока она мне не верила. Ее взгляд перебежал от меня к телефону. Так. Опасность исходила оттуда. Значит, ей звонили и угрожали. Не нужно быть психологом, чтобы без особенного труда определить – Софья Владиславовна боялась собственного телефонного аппарата и этот страх не был напрасным. Именно с телефонным аппаратом была тесно связана опасность, угрожающая ее сыну. Что ж. Попытаемся еще разок.

– Софья Владиславовна, я не имею отношения к милиции. Я – частный сыщик. Понимаете? Они ведь требовали от вас, чтобы вы не обращались в милицию? Так?

Она вздрогнула и беспомощно огляделась. Она боялась, что нас подслушивают. Ай, Танечка, умница. В яблочко попала. Только не расслабляйся. Продолжай. Быстрота и натиск – залог будущих успехов.

– Я очень хочу вам помочь. Но для этого вы должны согласиться принять мою помощь и поверить в меня. Иначе у нас ничего не получится. Пожалуйста, ради Марика – поверьте мне больше, чем его похитителям!

Она молчала, наклонив голову. Мне был виден ровный пробор ее прически. Плечи были опущены вниз и немного подрагивали. Я догадалась: она плачет. Подошла к ней и обняла ее.

– Они угрожали мне, Таня, – прошептала она совсем тихо, подняв заплаканное лицо, – угрожали его жизнью... Что мне делать, Таня? Что? Где я возьму деньги, которые они вот-вот потребуют?! За что они так с нами, Танечка?

Отчаяние вырвалось вместе со слезами. Она уже не пыталась сдерживать себя. Просто плакала, как ребенок, приговаривая:

– Там ведь Марик, Танечка... Там мой Марик... Что они с ним сделают? Что они сделают с моим сыном?

Я молчала. Ее слезы растопили недоверие между нами. Сейчас мы были похожи на мать и дочь. Ей надо было выплакать накопившуюся боль. Потом она станет свободнее. А значит, к ней вернется мужество и способность сражаться. Что сделают... Я надеялась и верила, что еще не сделали. Теперь, когда я вступила за запретную черту, они могут забеспокоиться и нанести ребенку вред. Надо было быть предельно осторожной. От меня сейчас зависела жизнь Марика. И впервые стало страшно от осознания собственной ответственности за его будущее... Я была просто обязана выиграть.

* * *

Она медленно успокаивалась и была похожа на заблудившуюся в лесу девочку. Держать себя в руках, зная, что твой ребенок сейчас находится у злых людей, – нелегкое дело. Наконец ей это удалось.

– Как же нам быть? – спросила она. Вопрос адресовался в пространство, но и это уже было победой. Она взяла меня в союзницы, поверив – я сделаю все возможное, чтобы выручить Марика из беды. – Вдруг они узнают о вас... И еще...

Я поняла ее. Она не рискнула спросить меня о гонораре. У нее не было денег.

– Для начала расскажите мне о звонке, – пожалала я плечами, – потом будем думать, как действовать дальше...

Она задумалась. Потом неуверенно начала:

– Собственно, я не знаю, с чего начать... Наверное, о том, как пропал Марик, вы знаете...

Я кивнула.

– Это был кошмар, Танечка... Звонок раздался ночью, около трех часов. Сначала я подумала, что Марик нашелся и мне звонят из милиции. Поэтому к телефону я бросилась со всех ног. Сначала он молчал. Я закричала в трубку: «Кто это? Марик, ты?» Таня, я бы не хотела повторять слова, которые услышала. Вам нужно, чтобы я это повторила?

Она смотрела на меня умоляюще. Страшно вспоминать те ужасные вещи, которые пришлось услышать. Тем более повторять это. Но я должна была знать все. Любое сказанное слово, иногда и подлое, мерзкое – способствует созданию образа. А если у тебя внутри готов этакий «фоторобот» разыскиваемого, это уже шанс. Маленький, но шаг к победе. Поэтому иногда приходится быть жестокой.

– Хорошо, – вздохнула она, – я постараюсь повторить слово в слово. Голос сказал: «Послушай, старая жидовская сука, если ты хочешь увидеть своего маленького выкреста живым, забери из милиции заявление. Это во-первых. Во-вторых, сделай вид, что змееныш нашелся. И, в-третьих, сделаешь то, что мы от тебя потребуем. А вот что мы пожелаем получить от тебя, ты узнаешь позже». Они даже не сказали, жив ли он. Просто повесили трубку.

Она передохнула. Воспоминания дались ей с огромным трудом. Ее трясло. Она приложила руку ко лбу и, опустив голову, попыталась прогнать их легким жестом руки.

– И вы не узнали, с какого номера поступил звонок? – спросила я. Неужели они не догадались, что это легко сделать с помощью телефонной станции?

– Мы пытались, – устало глядя в одну точку над дверью, сказала Софья. – Нам сказали, что звонили из таксофона на Мамонтовской. Наверное, о звонке все. Больше пока они не объявлялись.

Ну что ж. Я поняла, что противник мой подл, впрочем, чего еще следовало от него ожидать? Человек, ворующий детей ради наживы, вряд ли отличается хорошими душевными качествами. Он наверняка способен на все, а следовательно – опасен. Гораздо опаснее, чем это казалось мне поначалу.

– Я сделала что-то неправильно? – в ее глазах появился панический страх. Видимо, я невольно показала, что звонок меня поднапряг.

– Нет, нет, – поспешила успокоить ее я, – я думаю, как нам быть. Надо придумать легенду, потому что никто не должен знать, что я занимаюсь вашей проблемой. И вот еще что... Софья Владиславовна, вам этот голос не показался знакомым?

– Нет, – покачала она головой, – среди моих знакомых ни у кого нет такого скрипучего голоса. Такое ощущение, что звонивший страдает хроническим гайморитом.

Этот прикол знают даже малыши. Жалко, что не осталось записи – я бы смогла расшифровать тембр, окраску, обертоны. Но на нет и суда нет. Ладно. Придумаем по ходу действия.

– А кто знал, что в этот день вы задержитесь на работе?

– Учителя. Мои ученики. Мой муж. Нет, никто из них не мог этого сделать.

Хорошо. Но так думаете вы, любезная моя Софья Владиславовна. А я грешным делом думаю не так благосклонно о ваших коллегах и учащих. Детишки сейчас пошли – ой-ой, вы им двойку, а они вам – маленький взрыв устроят. Или сынишку украдут. Так что надо искать и среди коллег и учащих. Кстати, вполне возможный вариант.

– У вас есть враги?

Мой вопрос ее удивил. Я понимаю, что величайшая бестактность – спрашивать у человека о наличии врагов. Враги есть у всех. Даже при чудесном характере. Непременно найдется существо, тебя не понимающее. Или завидующее тебе. Но работа есть работа. И приходится доставать человека разными неприятными вопросами. Единственное, чем я успокаиваю своих клиентов, это что я могу хранить тайны. А без откровенного их раскрытия мои действия затруднены.

– Конечно, есть, – сказала она. – Во-первых, мы изгой. Выкресты, как любезно обозначил меня и мою семью неведомый по телефону. Во-вторых, я – опять же по его словам – жидовка. В-третьих, и, пожалуй, это самое главное, я никогда не любила стадность. А любая ярко выраженная индивидуальность рождает негативное отношение к себе. Но Марик никогда не был таким, как я. Он отличался, Бог мой, нет же – отличается добротой ко всем. Его надо было назвать Иоанном. Понимаете? Он – дар Божий. Явление благодати. Марик удивлял даже меня. Не мог,

например, спокойно пройти мимо бездомной собаки. Мимо нищего. Мимо стариков. Знаете, здесь, во дворе, живет один бомж. Его все боятся. А Марик ходит к нему в подвал. Носит еду. Болтает о чем-то. Вы спуститесь, поговорите с ним. Марик говорит, что Фред необычный. Раньше был поэтом. Такие вот у Марика друзья – бомж Фред и старая трехцветная кошка...

Я вздрогнула. Кошка?.. Трехцветная кошка из моего видения... Кошка, знающая больше, чем все, но не умеющая разговаривать...

– У Марика не было врагов, – закончила Софья, – он отвечает за нас. Правда, Андрей так не считает. Но Андрей – он ведь Марик выросший. Наверное, Марик тоже станет священником.

– А кто такой Андрей? – спросила я.

В голове сразу отчего-то сложился образ Мельникова. Сегодня все на свете Андреи были на него похожи. Когда я вижу его длинную фигуру, это, наверное, производит на меня такое глубокое впечатление, отделаться от которого просто так я не в состоянии.

– Мой племянник, – пояснила Софья, – он кончил недавно духовную семинарию. Из-за него у Веры были крупные неприятности... Она же у нас единственная иудейка. А сын пошел по стопам прадеда. Из-за Андрея Веру не пустили в Израиль.

– Софья Владиславовна, а не могли украсть Марика, чтобы заставить вас отречься? Или Андрея?

– Господи, – мысль об этом настолько ужаснула бедную Софью, что она прикрыла глаза рукой, – только не это...

Я посмотрела на часы. Ого! Мы разговаривали уже второй час. Что ж. Пора заканчивать нашу беседу.

– Значит, – спросила я, – последнее время вам никто не угрожал именно в связи с отцом Андреем?

– Нет, – покачала она головой.

Значит, не угрожали. Послушаешь Софью – и тайна покрывается еще большим мраком. Окружали ее только замечательные люди. Однако кто-то из этих замечательных людей сейчас точно знает, где находится ее сынишка... Вот и по поводу ухода в православные священники ее племянника тоже все были счастливы и довольны. Хотя для иудеев Андрей был вероотступником. Так что я не должна откидывать эту версию.

Могли ударить по Андрею с помощью племянника, которого он любил. Стоп. Я так уверена в том, что он его любил? И это все вокруг знали? Но почему-то в его любви к Марику я не сомневалась.

Пора уходить. Мне ведь еще нужно встретиться с этим Фредом. Станным другом странного мальчика Марика. Я поднялась. И все же... Мой взгляд остановился на закрытой двери.

– Это комната Марика, – заметила мой интерес Софья Владиславовна, – вы хотите туда зайти?

– Если можно, – кивнула я.

– Только... – Она замолчала, не решаясь закончить фразу. Наконец подняла глаза и сказала умоляюще: – Без меня, хорошо? Я... боюсь, я не выдержу.

Я поняла ее. Пока дверь в эту комнату закрыта, можно верить, что за ней – Марик. Ничего не изменилось в жизни. Сейчас он выйдет и сообщит: «Я безумно проголодался». Или спросит, что сегодня по телику. Но войти и убедиться, что там никого нет, – невыносимо. Это подтвердит, что происходящее с тобой вовсе не сон. Принять реальность такой, какая она есть, – не всегда полезно для человека. Он не в состоянии переносить постоянное ощущение потери. Ему необходимо забывать о происшедшем несчастье хоть ненадолго. Иначе можно сойти с ума.

* * *

Тихо открыв дверь, я оказалась в Марикином государстве. Комната непостижимым образом сохранила дыхание своего хозяина. Комната была к нему нежно привязана и отказывалась поверить, что Марик сюда не вернется. На окне стоял бумбокс. Рядом подставка для кассет. У мальчика был развит не по годам вкус. Помимо неплохой классической подборки стояли: «Аквариум», «ДДТ», «Наутилус». Никаких Филиппов Киркоровых. Никаких «Мумми-Троллей» и «Иванушек» с «На-на». Ребенок с детства решил отличаться от большинства.

С книгами было попроще. Фэнтези, фэнтези... Толкиен, Муркок... На кровати, открытая на середине, лежала «Нарния» Клайва Стэпpla Льюиса. Я подняла ее и посмотрела. Это была моя самая любимая книжка. Я заглянула внутрь и оказалась в Нарнии в тот момент, когда там зазвучало пение льва Аслана, создающего ее. Это место мне нравилось больше всего. Книга явно ходила в фаворитках. Зачитана до дырок. У меня возникло подозрение, что Марик спал с ней в обнимку. Так спят с горячо любимым плюшевым Мишкой. На стене висело огромное изображение огнегривого льва. Ах да... Я вспомнила. Это из той самой «Нарнии». Лев Аслан. Что же ты не уберег его, дружище? Или решил увести ребенка в свою Нарнию? Взгляд Льва отвечал мне. Аслан был ни при чем. Незачем валить на него ответственность за человеческую жестокость и алчность. Комната знала не больше меня. Она не давала мне никаких подсказок. Марик создал здесь свой мир, в этот мир он не впускал никого. Интересно, пустил бы он меня сюда при других обстоятельствах? Мой взгляд упал на фотографию за стеклом книжного шкафа. Улыбающийся Марик стоял, прислонившись к высоченному молодому мужчине со светлыми длинными волосами и мягкой бородой. Мужчина обнимал Марика за плечи и улыбался. Между ними была такая осязаемая связь, что я догадалась: это отец Андрей. Меня кольнула маленькая игла ревности: я поняла, что отца Андрея Марик в свой мир пускал охотно и надолго. А мне, непрошеной гостье, пора было отсюда уходить. Я вздохнула. Ах, сколько бы я отдала в этот момент, чтобы внезапно раздавшийся звонок в дверь был сделан ручонкой Марика.

* * *

Выйдя из комнаты, я услышала обрывок разговора в коридоре. Увы, подслушивание было печальной необходимостью моей работы. Люди иногда не очень охотно с вами откровенничают. Приходится доходить самой. Моя матушка, когда узнала, что в моей практике присутствуют «эти отвратительные «жучки», долго хваталась за сердце. Ее дочь занимается подслушиванием! Жизнь в тот момент показалась ей кошмаром. Правда, когда я с помощью этих самых «жучков» отловила одного милейшего убийцу, она смирилась с их существованием.

– Ты не зайдешь? – спрашивала Софья Владиславовна невидимого гостя.

– Нет, Софья Владиславовна, – отвечал ломающийся тенорок, – я только узнать, не слышно ли чего нового о Марике...

– Ничего, Максим, – вздохнула она, – звонили, требовали забрать из милиции заявление... Сказали, что позвонят в течение недели...

– Какие мерзавцы... Мне кажется, все обойдется, – успокаивал Софью Владиславовну гость, – вы только не стесняйтесь, если они начнут требовать выкуп. Обращайтесь сразу к отцу – он обещал помочь.

– Спасибо, Максимушка, не знаю, что бы я делала без вас...

– Да что вы говорите-то! Мы ничего еще не сделали для того, чтобы Марика выручить!

– А ваше сочувствие? – тихо ответила Софья Владиславовна. – Сочувствие, Максим, уже много для меня значит. Ведь ты-то знаешь, как к нам относятся...

Так. А говорят, что подслушивать вредно. Получается, что Софья все знала. Просто не захотела обсуждать со мной эту тему. То ли ей это было неприятно, а может быть, она мне еще не очень доверяла? С какой стати ей открывать свои тайны перед незнакомым человеком? Даже если этот человек обещает найти ее ребенка...

– Да бросьте вы придумывать, тетя Сонечка! – горячо (даже, мне показалось, излишне) возразил собеседник Софье Владиславовне. – Ведь не все к вам относятся плохо! Разве можно не любить вас? Или Марика... Просто ума не приложу, как могли такие мерзавцы найтись...

– Лишь бы с ним беды не приключилось, – голос у Софьи предательски дрогнул.

Я почувствовала, что мне, пожалуй, пора появиться. Иначе ее опять начнет побеждать безысходность.

Мое появление на сцене удивило гостя несказанно. Он смотрел на меня с непонятным испугом. Почему бы это? Вроде сегодня я не похожа на Кентервилльское привидение...

– Познакомьтесь, Максим, это моя племянница Таня, – попыталась разрядить обстановку Софья, – а это Максим Лабутец, очень хороший наш друг. Еще Максим замечательный человек, умница и гордость нашей школы. В общем Максимушка – мой любимый и лучший ученик.

Максим Лабутец оказался красивым подростком. Крупный для своих пятнадцати лет – я удивилась, когда мне сказали, что он учится в девятом классе. Вполне взрослый юноша, на мой взгляд, даже слишком... Типичное дитя акселерации. Раскованный и самоуверенный, явно не знающий отказа ни в чем. Судя по прекрасному цвету лица, прекрасно питающийся. Одним словом: «Раскройте рты, сорвите уборы – по городу едут мальчишки-мажоры...» Он мою антипатию быстро почувствовал, но виду не подал. Сама учтивость – Максим. Прекрасные манеры и о-ча-ро-ва-тельнейшая улыбка. Я заставила себя не показывать истинных чувств. Тем более что мои первые впечатления о людях нередко меня обманывали. Максим же был ребенком – пусть высоким. Пусть взрослым. Но ребенком. И твое предвзятое отношение, милая моя Татьяна, может здорово навредить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.